

Наталья Хмелёва

Ген любопытства

Издательский дом Дмитрия Бурого

Киев, 2019

УДК 821.161.1(477)-1
ББК 84(4Укр=Рос)6-5
X 65

Хмелёва Наталья
Ген любопытства / Стихотворения. - К.: Издательский дом
Дмитрия Бурого, 2019. - 88 с.

ISBN 978-966-489-464-4

© Н. Хмелёва, 2019
© дизайн обложки: Shutterstock,
лицензии номер 234912565,
1221181903

ISBN 978-966-489-464-4

ВВЕДЕНИЕ

Поэтический мир Натальи Хмелёвой не подразумевает деления мироздания на кластеры реальностей и времён: там *«все времена хранятся / внутри как одно пространство»*, там прозрачна граница между бытием и небытием, и живёт что-то, стоящее между явью и навью, а становление есть неизбежное ограничение. Это Мир, *«ищущий своё изначальное имя»*, Мир, с которым ещё предстоит *«заключить мир»*, это архетипы старого и нового дома, новоселья, перерождения. Он наполнен не только озарениями, зашифрованными в символы, но и осознанием внутреннего конфликта между смирением и бунтом, где всё – *«внезапных превращений / нечаянная череда»*. Наталья Хмелёва в своей поэтике использует абсурдизм, а характерные мотивы её творчества – внутренняя трансформация, исследование мира снов, путешествие. Название книги отсылает читателя к основному библейскому мифу, а эффект речи «за кадром», «эффект непронизнённого» достигается за счёт специфических знаков – угловых скобок. Сюжеты стихотворений утверждают одни правила жизни для травинки и для целой планеты. Едино всё: *«Найду ли родство между голубем этим – и тем / седым собирателем крошек на площади Марко»*.

Сергей Главацкий

Эта история – о стремительно меняющемся урбанизированном мире. О почве, уходящей из-под ног. Об отношении к собственной памяти и о том, что есть человек вне порядка тех вещей, которые его окружают, и визуального ряда, к которому он привык. О безвременьи, в которое попадаешь после эмоциональной травмы. Об уязвимости. Об отчаянии. О новом мире и о смыслах, которые предстоит в нём найти.

Наталья Хмельёва

Посвящается Илье и Алисе

ГРОЗА

Разве где-нибудь день
угасает, как здесь, незаметно?
Ближе к вечеру тени людей
расплываются вширь.
Кто-то помнит подробно
живую распахнутость лета,
он становится мной,
когда снова окно задрожит,
а от дикой оливки
один из её сыновей
открепится не ловкостью пальцев,
а подвигом веры.
Зреет речь суховея,
попутного гнева живей,
и бежит муравьёв многоточие
в гарь ноосферы.

ПОСТОЙ СО МНОЮ

Постой со мною в солнечной глуши
среди повозок и людей
<чей идол
ушёл в актёры>:

чтобы вечно жить
и изучать туманность гоминидов;

чтоб море пахло свежей акварелью;
старинные браслеты-ожерелья
мелькали там и здесь на смуглой коже
приезжих дам, уставших от веселья.

<«Бонжур, мсье! Один букет тюльпанов!»
Последний финикиец Сен- Романа,
я здесь жила когда-то и, быть может,
чинила самодельные свирели...>

<Здесь мужчина, лежащий на дне колодца,
в миллионный раз собирает солнце
по кускам.

Вдоль расщелины пыльных досок струится золото.
Береги кафтан, говорили, смолоду.
Попадёшь сюда – по одежке будут искать.

И волнуется поле, тлеют заброшки-храмы,
неизменно пахнет кровью, весной, врачом.
Человеку, облежавшему чрево ямы,
ты подставил для опоры своё плечо.>

Постой со мною.

<Какое же блаженство – плыть вне времени!
О, воздух чужеземный, отогрей меня!
И вот уже, исполнена движения,
жонглирую французскими словами...>

<Молчание стоит труда
иногда, иногда,
но от песен не будет вреда.
Опадает апрель, и бела лепестками земля...>

Постой со мною.

<Что за место!
Здесь не купишь аквамарин,
отогрев в ладони последний цент.
Бездна расступается – посмотри –
синяя, не взятая под процент.>

Постой со мною.

<Постоишь день – найдёшь меня в левой стороне,
два постоишь, и отнесёт тебя вправо,
три дня постоишь – вовсе меня не станет,
никогда не постоишь – не родишься,

не отомстишь за вырванность из небытия,
за свет, включённый в прихожей,
где надтреснутый бутон,
уязвлённый ритмами солнцесубна,
обречён хранить грохочущую повозку
горизонта, обретающего движение
вспять, опять пропускаю
твоё вальсирующее пробуждение,
рассеиваю светобоязнь,
оглушающий скрип половиц
напомнит о приключениях неподвижности.
В проруби окон – тюль,
в паузах речи – жизнь.
Ты читаешь в садах городских Малларме,
и я голос услышу беспечный:
„Я фотографом ню здесь работаю, мэ,м,
эфемерное делаю вечным“>

Постой со мною:

чтоб лился свет и смех, и тополя
толпились, и белый пух, и мусор
взлетели над обрывом;

чтоб школьный прел рюкзак,
желтели дневники,
из прошлого на нас,
таких смешных, не глядя.
Гляди: идёт гроза, куда-нибудь беги,
рта юного окрас меняя в палисаде;

чтоб есть печенье, читая Гайдара Аркадия,
<ни одного отстающего рядом и мёртв бомонд>

чтоб девочки ждали тимуров, чердачных принцев,
и дачных принцев
<кстати, удачный принцип:
землю – дачникам, животноводство –
ударный фронт>.

<Такое обнажённое лицо
почти вгоняет в краску, или вот –
отвлечься что ли – что за гиацинты! –
южнее нет цветов, а только святость,
не хочешь ли остаться здесь, где всё
одинаково возможно,
в месте недолжного, нечаянного безвременья...
И вот стоим. Засилье всех вещей
преодолеть бы ради этой Пасхи.
<<Ничью сестру нельзя окликнуть: «Сестра!»
Ничью жену нельзя сваять из ребра.>>
Пойдём смотреть на фундамент дома,
в котором ты родился. Он из водопада.
Смотреть, как стены держатся на шуме воды,
и, мудрой юности поверить поспешив,
увидим мы: в ней не было печали...
Ты родом из маленького города,
где мелкие яблочки падают прямо в траву,
небольшой аист таится позади крошечного замка,
а в игрушечном храме орган играет.

Как быстро тает заряд в телефонных трубках!
Никогда не успеваешь сказать о главном...>

Постой со мною:
чтоб, стряхивая крошки с покрывала,
внезапно, наготы не показав,
какая-нибудь дева подбежала
к окну – и не поверила глазам;

чтоб призрак, состоящий из пылинок,
стоял, как перед входом в келью инок,
рассеиваясь в золоте луча;

чтоб уходящий год был самым длинным,
длиннее всех дорог того Берлина,
чьи толпы разноцветно в нас молчат.

* * *

Ни на дне ручейка,
ни в широком потоке
не дано разглядеть изумрудных камней.
Чья восходит щека
на румянном востоке,
чьи зрачки ближе к раннему утру темней
инфернального смеха?
...А мшистые волосы
городской Лорелеи раскинули сеть,
и ты слушаешь эхо
бессонного голоса,
непрерывную песнь осуждённого петь.
Здесь и шёпот воды,
и царапин полоски
на руках, от ветров и сухих, и шершавых,
даже злые мосты,
вековые их доски
доверяют вращению хрупкого шара.

* * *

Когда с небосклона безудержно льёт,
гляди, как питьё превращается в лёд
и время идёт, полумесяц растёт,
а ты – вне сует становления.

Вчера я, по пояс в хрустальной воде,
коснулась тебя, обнаружив предел
того, что витало в льняной темноте
над нами как благословение.

И в белой сорочке, дороги длинней,
я встала в большом и тревожном окне,
как будто лететь предстояло, а мне
впервые хотелось остаться.

Лениво плыла смоляная листва,
и тени плясали в ловушках, едва-
едва понимая причину родства
с самим прародителем танца.

* * *

Хранится вечно не пыльца
долин цветочных,
а то, что вырвалось в сердцах
и между строчек,
и речь рождается не там,
где могут слышать,
а где Иов терял стада
и спор не вышел,
где возведённый в слово страх
съедает недра
Земли, потерянной в мирах,
пустой от ветра.
Попробуй что-нибудь сказать –
как будто другу,
как будто есть что-либо за
стеною звука.

* * *

Возьмёшь из корзины декабрьскую грушу,
как если бы сны ворошил наугад.
Блажен, кто сидел у огня, но не слушал,
как вещие соки в поленьях шипят
о том, что метель все глаза проглядела,
но всё же нашла тебя в облаке кружев,
и выживут два, всего два твоих тела,
а три или больше не вынесут стужи.
«Гляди же, дитя, как ты будешь носиться –
эфирным крылом не задень провода!»
И жутко подумать: живёт в рукавице
из кожи овечьей сама Коляда.

Перетекающий по звуку
в других людей, которых стуком
разбудишь, спящих,
ты рассыпаешься на ветошь
и сквозь неё уже не светишь
как настоящий.

Будь лучше цельным, лучше полым
неотцензуренным глаголом,
и Дух обрящешь,
пока мы вежливость свою,
нагие, кутаясь в уют,
на спинах тащим.

Пойди туда, где никогда
не оживает лето,
и погляди, как там вода
зелёная согрета
не слоем льда и даже не
листом, опавшим по вине
времен неугомных,
сменяющих собой себя,
чтобы однажды второпях
озолотились кроны –
а сном, заветною тропой
бредущим вдаль, на водопой,
летающим к водопою!

...Нетронутых степей дитя,
цветущих роц лимонных
дитя, не знающее грусти –
поверь, я так тебя боюсь,
но я пойду с тобою.
Да, я пойду с тобою.

* * *

Мне снилась темнота.
В ней было хорошо.
Ни огонька не пролетало мимо.
Там день прошёл и человек прошёл,
но кто-то рос: без глаз, волос,
незримый,
без пальцев и желудка, без костей,
и без гостей и праздных новостей.
Иди с ним под откос, изменчивый мой голос.
Раз нет лица, то и не надо грима.
В застенки каземата-языка
взашей изгнав судью, остался слеп.
И потому свободна и легка
ничья рука, в которой кость – река
в густом тепле.

* * *

Есть ребёнок, хранящий портреты
случайных прохожих
в том углу,
о котором не знает отец,
в самом дальнем углу
есть ребёнок не спящий, играющий, позже
в своей спальне читающий вслух.
Когда рухнут дома,
мостовая вскричит, что устала,
а отец не придёт,
и потянутся медленней дни,
неподвижно, как рты
обитателей этих кварталов,
уже ждёт существо,
наблюдающее за ним.

* * *

В каком-нибудь листке окно проделав,
увидишь: шестерёнки света пляшут
и тихо открываются пределы,
где нет того тебя, который старше.
Стоим в конце времён, как ослеплённые,
в конце себя стоим – и не найти
ни друга, ни врага, но ткань зелёная
внезапно разрастается в горсти.
Пройду сквозь дни – и выйду в каждом лете,
ушком игольным преломляя шум.
А ты уже стоишь в его просвете
и так молчишь, как я
не напишу.

* * *

Не Земля на трёх китах, а одна вода...
А над ней клубятся дивные города.
Их бросают люди, чтобы уплыть туда,
где вершатся таинства.
Там однажды аист им принесёт Христа,
долгожданная проступит сквозь тьму звезда:
незнакомый свет, в котором <о, неспроста!>
поневоле плаваются.
Но каких племён уходят, бредут отцы
в эти земли новые, в этот иной язык?
Мой Иосиф, брат, в конце твоих злых путей
жди от здешних птиц
чуть-чуть не своих детей.

* * *

Хочешь знать меня – вспоминай леса,
вспоминай, как нас растворяет воздух:
я ушла из сада – и выйду в сад,
обойдя казармы, минув погосты.
Буду петь, как нас растворит весна,
и легка здесь ноша, и весел брат,
и жива, как прежде, его жена.
Но теперь едва тяжелей пера.

* * *

Кругом вода, одна вода,
и мы в ней дома, словно рыбы...
Не ты ли эти холода
лучами ломкими рассыпал,
и остаётся вглубь уйти,
остаться цельным, хоть и сырим,
и скользкой кожей ощутить
отсутствие границы с миром.
И тем трудней найти слова,
чем явь теплее в нас живая.
Проснись. Вокруг – ни существа,
ни ада, ни Земли, ни рая.

* * *

В каком-то месте <мы о нём не знали>
я есть уже не окрики, а дали,
и полнота времён осуществляет вдох.
Замри и длись, негаданная встреча,
чей отражённый свет живёт не в речи,
а падает и спит у наших ног.
Есть место, где сливаются и длятся
<мятеж!> мои разрозненные земли.
Мне в каждом утре суждено остаться,
но только не в меняющемся теле.

* * *

За три часа всё было сожжено.
Проснулась обнажённой и бездомной.
Кем быть теперь? Птенцом? Или пшеном?
Айвовой рощей, мхом, стеной бетонной?
На солнечной беззвучной стороне
планет, наружу вывернутых мехом,
по нитке расползлась изнанка дней,
исподнее рыданий или смеха.
Не будет слов, раз не случилось рта:
обоев рваных шелест, шум прибоя,
<ни кости в теле>. Где была гортань –
бескрайнее пространство голубое.

* * *

Берлинского неба открылась шкатулка,
рассыпав по крышам прозрачный стеклярус,
и ночь, растворяясь в седом переулке,
раскатисто злилась, но даром старалась.
Мелькали зонты и плащи разноцветные,
сиял-серебрился фонарный плафон,
и лились тридцатые в окна рассветные:
в квартире напротив воскрес патефон.
Стоял человек перед ним, не мигая,
как будто он сам – механизм заведённый,
и, с края шагая, взлетела нагая
кудрявая память с корзиной плетёной.

* * *

Не напасть – оторваться от пасти земной...
Как не согнуться?
Продвигаясь с опаской, о старые сны не разбиться?
Растревоженный улей забыт,
но, увы, не покинут:
оживает во рту и в ладони живёт.
Небылицами
припасёнными платье за пять вечеров обрастёт,
и потянет, потянет на самое дно тротуара,
где за низкий полёт превращаются в лёд,
а согласишь вперёд –
там смеются небитые:
те, кто сильнее удара.

* * *

<Исповедимо ли>
когда такое здесь живёт молчание,
что мир оставленный
стареет <никнет> тает,
кому творят молитву по ночам,
кого в себе пустынным обретают?
Кто – каждый стебель
<каждый корень> ценного,
роняя в тёплый чернозём
<в грудины > целого
мира,
<обдаст собой>
польёт живым вином?
Здесь сёстры молча
<ночь> крадутся мимо,
и всходит неизбывный
свет в лице их
<никем не обронённое зерно>.
...В тени, под куполами древних башен,
где дух ночных дорог, ведущих в сон,
оставит на отшибе воз с поклажей
<умоет неподвижное лицо>,
где брат ловил сачком не постижимое,
и тает снегом в тёплом кулаке
любой из символов –
<и речь исконно лжива >
там молятся о новом языке.

* * *

Проходит веселье. Проходит беда.
Один виноград не проходит,
имеющий мужество зреть в никуда,
и солнце дрожит на исходе
над распашью тлеющих родин.
По ломтику тает, уходит в обрыв
безмолвный свидетель
того, как погоды здесь были добры.
Счастливый билетик:
бродить по земле,
потакая любви,
стихийно себя из золы прорастившей,
не пробовать ягод, не праздновать вин,
а быть всё смелее,
всё мягче и тише,
смелее и тише.

* * *

Ещё вчера ютилась в коже,
и мир, отмытый добела,
тобою не был потревожен
<бездействуя, не сеешь зла!>.
Поторопилась бы, пытаюсь
первоначал пугливых тень
поймать – сухая снега завязь
в ладонь упала бы цветеньем,
чтобы напомнить о воде.
Но по судьбе передвигаясь
вперёд-назад, уже судья,
и заново в свой день войдя,
услышишь: праздники подкрались
и в окна памяти глядят.
И потерялась карамелька,
играя в прятки с ветхим креслом,
морозного белья бретелька
и ель морозная воскресли,
а в доме чисто и тепло,
и не издать ни звука, кроме:
«Ох, прошлого и намело
во двор – по самый подоконник!»
И ты, не запертая в теле,
<не человек, не знак, не живность>
вдруг изумишься: неужели
всё завершилось, завершилось...

* * *

Расскажи мне, куда нас кривая везёт:
удивлённых, смеющихся, сонных.
Это больше чем смерть: <чернозём, чернозём!>
быть землёй, увозимой в вагонах.
Иногда – уязвимым цветением груш,
разговором на утренней кухне,
остриём не заточенных вовремя нужд,
иногда потолком – и не рухнуть.

* * *

Приснится шёпот, в тело не облачённый.
Усну ещё раз – но не пойму, о чём он.
Секунда с ним зазубренных зим длиннее,
а стены плавятся, и потолок темнеет.
Я стану на свидания ночью изредка
ходить <беда, беда мне! Связалась с призраком!>
Нет, на ночь глядя не украшайся, девочка,
тебе ни платьев шёлковых и ни ленточек
не нужно, и отныне лежи и слушай,
как голос синий все силуэты рушит...

* * *

Дышал собою прошлогодний стог,
и санный запах был ему не мил.
Смотрелся в небо кроткий водоём
<другого вида он не перенёс бы>.
На выселках всегда такие вёсны:
нарциссы распускаются <что дёсны>,
роняя клык на почву <и резцы>,
а после обращаются людьми,
и, вкопанные в шорох, свист и гром,
рассматривают след своих сапог
<верней, корней> как светлый диалог.

* * *

Бежать из зданий, полных геометрии,
гудящих покупными новостями,
куда-то, где живут ещё поверия
и почва не расчерчена путями.
Где есть ещё и мхи, и привидения,
где пахнет <мыслью> лесом и грибами
и папоротник ждёт поры цветения,
<а зелень вся на самом деле – память>.
Но первотишина уже нарушена
то плачем, то грозою, то рычанием...
Кто к людям шёл со снами – наилучшими,
тому они словами отвечали.

* * *

Там, где стрела,
застывшая в воздухе, чей полёт
подобен рыбе в объятиях льда –
стоит вечно идущий пророк,
который вот-вот дойдёт,
но потому не доходит, что он стоит,
а двигаться надо нам туда,
где стрела, застывшая в воздухе, чей полёт
подобен рыбе...

* * *

Тяжёлую вину земная мать
в ловушке снов – и разве это внове –
несёт, хромая: драгоценна кладь,
добытая тайком в речных верховьях.
А в чём ещё грешна? На все лады
твержу: помилуй бог, какая кража!
Мне дали в дар энергию воды –
в ту ночь стоял Данубиус на страже...
Кто заключает сотни измерений
в живую клеть, чтобы иссечь углы?
...А это я.
И вот – мои колени.
И свитера, которые малы.

* * *

Вот каштаны в моей ладошке,
двадцать лет назад
упавшие с крон.
Вот чернеют фамильные вилки-ложки,
расступается морем утварь,
открывая порталы в замки,
где ничем нельзя обладать,
кроме консервной банки,
из которой дети делают телефон.
Жёлудь с шапкой,
грецкий орех и солнце
в пыльном просвете крыши,
как мёд, коричневой:
самое нужное, знать, нам остаётся
для обустройства дома,
впервые – личного.
Радость бездомным, сырим!
Покой бесприютным!
Тлеют, как торф, потолки,
размывая предел.
Но почему я боюсь
не пространств безлюдных,
а человека,
который всё сжечь не посмел?

Более всех приволий
пустых и белых,
тех собратьев, чья жертва не догорела,
я убоялась, брат,
и дары в корзине
превратились в дым
уходящий синий.
Но хранится в пригоршне звон акаций,
жизнь назад
добытый с весенних крон.
Думала, что истлели,
что только снятся.
Восхожу наверх, куда чад поднялся —
а сады цветут
по-прежнему широко...

* * *

...А когда оскудеет слово, как всё скудеет,
как нищает мир, слепой к удалому злу –
не истлеет скарб заветный, когда истлеют
полотенца, скатерти, доски в твоём полу.
Выйдешь вон из прелой избы, а степи
помянут тебя, последнего в их роду.
Здесь когда-то жили люди, рождались дети.
Я иду к тебе, мой милый, уже иду.
Как сто лет назад волы оставляли полосы,
так тебе гортань мою удалось всполоть:
из ребра колосса, колоса, гумуса, логоса
твоего я плоть, родящая смыслы плоть.
Мы пойдём куда-то, мы соберёмся с силами,
наш ребёнок вскроет недра и даст нам стали.
Что за дивный дом был уготован милому!
...Я в саду потеряла ключ, когда мы бежали.

* * *

Как незаконно, женщины, мы нищаем
телом, и видим слабо, и ходим медленно.
Старение кокона бодро оповещает
о новой памяти, данной девчонке ветреной...
В одном из будущих страшных больших времён,
где, как младенец, больше не помня прошлого,
она взлетит и тело расколет звон –
там рухнет кокон на пол глупейшей ношею.
Полны ничьих невидимых безделушек
музеи мира: вышивки, вазы, ткани...
Взлетай, сестра!.. Возьми и меня, старушку,
туда, где мы станем мотыльками.

НА ЯРМАРКЕ

Вот чистота разбегом манит,
в своё ничто стремясь, как в кокон.
Ещё один сезон туманит,
седой крутя на пальце локон.
А где-то на воскресном рынке
не я, а девушка иная,
пчелиный дух почуяв в дымке
Предрождества, себя узнает
во время праздного веселья
<не повторится это впредь!>
в свече, оставленной на ели
коварно до утра гореть...
Заплачет срубленная ёлка
шарами, звёздами и лентой,
и время упадёт обломком
себя, не ставшего моментом,
и нужно выстоять январь,
как продавец стоит в кабинке,
передвигая инвентарь,
сбывая сонные пылинки,
в церковном золоте луча
пробившиеся под навесом –
<прах казаков и янычар,
кочующий над диким лесом
голов, повёрнутых к лоткам,
локтей воинственно-упрямых>
уйдут пылинки с молотка,
осядут на травинках пряных.

Там вор, когда дрожит зима,
крадётся утром за старушкой
и опускает ей в карман
большое яблоко в веснушках.

* * *

Где же ты так задержалась, сестра?
Не утомительны разве прогулки?
Здесь, как и прежде, цветут вечера
белой сиренью в пустом переулке.
Тянется сизый над берегом дым
и заполняет пробоины в лодке.
Мальчик соседствует с дедом седым
<то есть с собой> через два околотка.
Живы ещё почтальон и печник,
булочник жив. Но не стало иного.
Маятник времени только качни –
жизнь не закончится, если ей ново
слово на кончике карандаша:
буквами между мирами курсируя,
чья безымянно скиталась душа,
сны расточая на гульбища сырые?
Здесь, где бездомные спят среди ветоши
и ядовитые зреют колосья,
письма хранишь ты для тех, кого нет уже,
или для тех, кого не было вовсе.

* * *

Приходят с верой – посмотри –
слова, которые внутри
дрожат, готовые сорваться
<по капле света фонари
тепло растрачивают, вкратце
себя зернисто изложив
светящимся, как этажи,
каким-то новым Лорелеям> –
но выдай тайну мне, скажи,
каким мы чудом молодеем,
и почему нам так легко,
размахивая рукавами,
разлить и мёд, и молоко
<но мы стоим, как древний камень,
но мы стоим, как в горле ком>,
и почему у стариков
лицо как девственный пергамент?

* * *

...То ли насекомое, то ли мышь,
то ли незнакомец <не враг, не друг>
шорохом разбудит: «Не спишь? Не спишь?
Отчего бледнеешь сильнее к утру?»
Чья взлетает это тень и куда спешит
мимо синих стен, акаций, домов, машин?
А маршрут её шелками, как лента, шит,
и в ушах шумит, и каждый его аршин
отзовётся криком: «Карр! Я чернее сна!»
Как сплетенье солнц сжимает такой полёт...
...И Вселенная под рёбрами, как луна,
вдруг сорвётся в воду – и серебро прольёт.

* * *

Выбросил трамвай его, дребезжа:
«Можешь раствориться, пойти в кино,
в парке спать на лавке, найти ежа
и свою изнанку, открыть окно...
Нет в тебе неправды!» А мир был весь –
в самом деле – меньше её ладони.
Третью ночь не спал он, твердил: «Я – есмь!
Только... ничего о себе не помню».

– Я прадед твой. Узнаёшь черты?

Я жил и верил: пора придёт,
я стану целым. И я, как ты,
молился на ночь, постился год.

– Я мать, ты почка моей лозы,
тоской отравленной. Пусть цветёт!

Тоска – то свет. Хоть и я, как ты,
молилась на ночь, постилась год.

– Я брань твоих несожжённых книг!

– Я – спор твоих неродных начал!

– Я – тысяч предков единый лик,
качание корабля, причал
с толпою, усталый берег.

Чья, о чья

тогда тревога глазами зверя

Глядит сквозь дни, поедает время?

– Я – рознь. Война. Там, внутри, не слито
ничто, под куполом всех названий
мой храм, подорванный динамитом
в степи, сожравшей святые камни.

– Я – дух покинутых сёл и дач,
я слеп <как ты>, потому, не зная

куда ведёт неумытый мальчик
босого деда, царя окраин,

целую молча больную руку
и вижу сон: молодой, как гений,

руки хозяин повёл по кругу
сквозь стены, время,

во тьму рождений.

* * *

В этом городе воздух горяч, как сухарь, и стар.
А захочешь ветра – пойдй поищи места.
Здесь все идолы твёрдо знают свой пьедестал,
смотрят ввысь, заклинают дождь.
Может, где-то рядом, на глубине могил,
где уже – ни скифов, ни тайных сил,
есть песок. Но асфальт иногда красив
как Дажьбог, как шаман, как вождь.
Мой бездомный временный житель материков,
ничего для тебя не копила, лети легко.
Ни к чему не привязан,
покинешь убогий кров,
уплывёшь за мечтой.
Я сожгу все книги, устрою большой пожар.
Но не верь, что здесь осталась твоя душа.
Твоего здесь нет. Ты больше, чем этот шар
золотой.

* * *

«Милена плюс Коля». Сердечко. «Навек»:
наскальные надписи мхом поросли,
и можно найти в прошлогодней листве
газеты, бутылки, дома, корабли...
А разве ты знаешь, что завтра найдёшь?
На карте меняются север и запад,
и падает в море доверчивый грош
луны, обречённой от радости плакать.

* * *

Пиццерия «Челентано»: пиво, чай, вода...
после маленьких городов не хочется никуда.
На аллее, улыбаясь, слушая, как гремит
где-то в облаке сладкой ваты май ледяной грозой,
ты стоишь, не помещаясь в этот хрустальный мир.
Повернёшься, пить захочешь – и завершится сон.

* * *

Не мы молчим, не мы молчим, но нами.
Мы названы иными именами,
чем те, на звук которых каждым швом,
изнанкой откликаются и снами,
в подъезд входя, как в вечное Ничто.
Раз день в бритоголовых и небритых
под тёплой кожей их, земли серее,
жужжит пчелой, отставшею от роя –
даже твои убогие молитвы
когда-нибудь дойдут и отогреют
холодную основу градостроя.

* * *

Шарик Эшера
покатился – ему видней –
с отражением комнаты и – исчез. Вот шалость!
Не расчёсывай недели
по всей длине,
не смотри на гребень, чтобы внутри не сжалось.
Что в итоге
остаётся, когда другому
отдаёшь историю, написанную спросонья?
Сколько звуков,
доносящихся с ипподрома,
сколько шляп,
неповторимых в своём фасоне?
И покинув раскалённый живот степи,
и нося в себе
кончину свою, как кокон,
мы живём в отелях, шишках, плодах рябин,
наблюдая за дыханием
толп из окон.

* * *

Сколько книг в золотой пыли!
Мы читали их, как могли,
но уносят истину три коня, на краеш...
У кого моложе пророк,
у кого новее порог,
в остальном о мире ты ничего не знаешь.
Я запомню священный трепет,
твои джинсовые отрепья,
и почти был найден смысл, но затем украден.
Тише холода, мягче мха
высыпается вся труха
из портфеля,
пожирающего тетради.

* * *

Сойти с того ума, где простояли,
и обнаружить ранее незримые
долины под пуховым одеялом,
возможность не дышать на фотоснимок,
и право петь, и жажду говорить,
естественные в здешнем ареале,
и всё, что поедают снегири,
а мысли до сих пор не обглодали.
И корчатся черты немой зимы,
роскошного и злого одичания...
Гремят перила, и заходим мы
в себя, как в новый дом, звеня ключами,
рассерженные насмерть существом,
в песок ушедшим пеной, да как будто
и не было на свете никого,
кто шумный мир покинул на минуту.

* * *

Ставни отворю – и втекут: анис,
солнце, суета без минуты роздыха.
И тогда нырнёт оригами вниз:
белый сор, скользящий по глади воздуха.
Поплывёт кругами, слегка дрожа
(от избытка жизни в себе, наверное),
в линию косую его душа,
бабочка бумажная однодневная.

* * *

Я уснула там, в нулевом году,
в своей детской, в маечке с какаду,
и тепло привычной моей постели
свило гнёзда в теле.

А проснулась – стены белы – мука! –
и над ними не было потолка,
только синий воздух и этих елей
невозможных зелень.

Так безумие создаёт тайник –
и тогда вверху дирижабль возник,
в нём одни старики летели,
и бросали айву, и пели.

Но исчез мираж – не поверю впредь –
только гул стоял, сотрясая твердь,
и я встала комнату осмотреть,
чтоб поверить
в это странное
новоселье.

* * *

Было задано на дом:
забыть, что такое дом,
укрепиться в себе и вере,
стать весенним
рассыпающимся
на звуки тревожным льдом,
ухватить горбушку воздуха синим ртом
и лежать – не спать
в сыром прошлогоднем сене,
обнимая жизнь, не вписанную в потом,
и однажды мы – побеги,
не вросшие в эти куртки,
буквы, книги, штампы-штрихи наследия,
но кричащие, нагие, как промежутки
длящегося сознания –
<каждый беден> –
<чистые огромные холсты>
белым отражением прародителя
заново взойдём у земной черты,
за которой мы ничего не видели.

ПОСЛАННИКИ БРИГА

*Памяти немецких поселений
в Одесской области*

Вдоль извилистых вод колосятся века
и шагают посланники Брига,
а за ними – их жёны в цветастых венках,
и – ни слова, ни вздоха, ни крика.
На их судьбах пионами всходит ожог
предстоящего перерождения,
и плетутся скитальцы, не чувствуя ног,
унаследовав имя и время,
и бредут в измаильский заброшенный порт
мимо юго-восточных окраин.
...Что за странная прихоть – свобода свобод! –
попрощаться с истоком Дуная...

* * *

Кто сказал, что идол не может пасть,
истлевая, рухнуть в слепую пасть
шерстяного снуда?
И, глядясь в ручей, Нарцисс обнаружил рыб
косяки, холодные их зрочки
ядовитых вод исследовали миры.
Ни в одном из них румянец его щеки
не нашёл приюта.
Каково узнать, что всё состоит из рыб:
отражайся в глади слов, не души порыв,
познавай себя в движении, им окутав
то ли всё кругом, а то ли себя на треть –
ту, которая сумела бы отогреть
золотое утро...

* * *

Она, как дым, стояла в колыбели,
наполненной водою до краёв,
и рыбы подплывали – и робели –
к коленям, возмутившим водоём.
И заплывали в грудь, блуждая в теле,
искали в голове какой-то корм,
но больше ничего не разглядели,
помимо всех морей, пустынь и гор.
И крик сдержав, она в подушку вжалась:
«Как много мной не сделано добра!»
Живое серебро в воде рождалось,
и мир вокруг сиял от серебра.
Одна чешуйка, взятая на палец,
поведала, что дева деве рознь.
И тем зловещей полночь для красавиц,
чем больше не успелось, не сбылось...

* * *

Уснёшь, проснёшься в новом теле –
уйдёт усталость без следа.
Гляди: внезапных превращений
нечаянная череда
заставит вдумчивей проститься
и новый кто-то соберёт
свой мир случайный по крупицам,
себя не зная наперёд.
Не оттого ли так неловко
пугать словами тишину,
что Рейн бездомной полукровкой
переливается в весну,
покинув праздное веселье,
втечёт к тому, кто домик свил,
войдёт эпохой новоселий
в холодные подвалы вилл –
и, с миром заключая мир,
узнает тех, кто нас забросил
сюда, в наполненный людьми
трамвай, бегущий мимо сосен...

Идём со мной – увидишь мир предметов,
кричащих: «Забери меня отсюда!»,
своей чудной всего одной приметой
входящих в затуманенный рассудок
овальной глазуньей циферблата.
Верь, на него бросая взгляды искоса:
в его полях цветут последней правдой
латинские – не цифры, но гибискусы.
И здесь, где чернобривцы и чабрец
июньское справляют новоселье,
оранжевый забытый леденец
лежит среди всеобщего веселья.
Как тёплая земля к нам добра!
Каким бывает добрым дно колодца!
Но треснула на яблоне кора,
белей орла, от извести и солнца,
и Августин сказал: «В какое место
ты улетишь, себе не подчиняясь,
в счастливом сне, недолгая невеста,
не можешь знать, но знает эта завязь,
куда ей расцвести – навстречу хаосу
случайного добра; фотон без цели
струится в никуда, и жизнь без паузы
продолжится, как боги захотели».

* * *

Я – слух, я взгляд, комиссия, ревизор.
Открой же дверь, не пряча в шарфы лицо.
Яви деталь. Стань в раму. Не будь утрюм.
Стяжай бессмертие: я на тебя смотрю.
А помнишь храм, заброшенный в злой степи?
Ты помнишь ров заросший,
ты помнишь? – Да. –
И – никого. Никого, свобода,
что хуже всяких тюрем и лагерей.
И некому себя отнести как дар.
Сухие губы, ветер сухой. Терпи:
я первый дождь пошлю тебе в октябре.

* * *

Цветные вагончики мчатся по кругу,
и воздух пульсирует в душных маршрутках.
Здесь учат свыкаться с морокой и скукой
и даже творить в их пустых промежутках.
И кажется, музыка будет всё та же,
а завтра корицей запахнет опять...
Но странно брести без привычной поклажи:
не спорить, не помнить, не думать, не знать...
Ты вечные истины, почву и тело
покинешь, как фокусник людную площадь,
чтоб вечно брести – беззаботно и смело –
навстречу закату в ореховой роще.

* * *

На острове каждый привык потрошить себе рыбу,
с чертами другого знакомиться больше на ощупь.
Торговец погодой предложит муссоны на выбор,
и ты примеряешь свой ветер почти еженощно.
Там круглые пятна сетчатку тревожили светом,
как будто писали на ней о забытом и главном,
и ты в океан на байдарке уходишь с соседом,
а он не рыбачит, а вдруг обращается фавном.
И мир, успокоившись в сущем, не ведает боли,
но ищет, как демон, своё изначальное имя,
и к вечеру кожа становится гладкой от соли,
и вечер такими нас, кажется, больше не примет...

ДИАЛОГ

– Подари мне новую жизнь, но сначала смерть.
Напоследок улыбнись, обними и впредь
не нарушь молчание и – уходи скорей,
раствори себя в пылающем октябре.
За тобою выйду на травяной ковёр.
Я точильщик дней, каждый мой клык остёр.
Ты ушла, румяная, будто всегда цвела,
а на самом деле мела белей была.
Как случилось, что, уйдя среди дня, мой друг,
изнутри меня явилась ты поутру?
У тебя мои глаза и мои уста.
Ты вернулась в дом, откуда была взята.
– Ты мне мать – и капище, где оживают идолы.
Ты отец родной – и темнота резная.
Береги в себе того, кого я не видела.
Береги в себе того, кого я не знаю.

* * *

Ни хруст запретных яблок в случайном тереме
не мил, ни слабый стебель в асфальте времени...
Есть что-то от бесцельности всех скитаний
в путях трамвайных и коридорах зданий.
Мир срезан окнами. Мир поведёт-не спросит
ноябрь в декабрь <ужалит слепая просесть>
и правильный человек за его харизмой
последует ягнёнком без пререканий.
Томятся неизведанные пространства,
пугая встречей: «Ой ли? Не по плечу...»
Зачем смешат язык, называя танцем
просветы в кровлях крыш, когда в старых сланцах
сидят на кухне, вдумываясь в свечу?
Но как-то был пожар, и сгорели книги,
а может, пробку выбило <вещий знак?>
и правильный человек, как ребёнок дикий,
впервые не зачем-то, а просто так
пошёл по улицам – к волюшке заповеданной.
Распахнутый и счастливый, как идиот,
он завтра встретит Бога – и не последует,
уверенный, что тот его сам найдёт...

* * *

На новом ложе мне снились дивные сны
о диких зверях, арабских странах, ларцах резных...
Откроешь ларчик – там гиацинт цветёт,
ягнёнок сонный спелое небо пьёт,
и вечен танец колких, холодных вод
над каждым бездомно-вольным.
Обнять былое всё не хватает рук,
услышав в сердце шишки еловой стук,
построю дом в ней <счастье или недуг?>
Пой мне.

То лаем, то упрямым ночным сверчком
ты восстаёшь из прошлого, и легко
мне в воздухе тебя ощутить рукой.
Пой мне.

Давай заляжем, тихо уйдём на дно.
Давай искать знакомых в обрывках снов,
в рисунках камня, неба, в узорах нот,
на ярмарках и в окнах, где Рождество.
Но где живёт свобода – там никого.
Пой мне.

* * *

Спит город, древний исполин:
история в камнях застыла.
Вот капли новые легли,
и ими пыль слегка прибило,
и паром пахнувший асфальт
(а здесь дожди и днём и ночью!)
не вопрошает, такова ль
судьба воды, хранящей почву,
а только бережно берёт
не больше, чем в него впиталось,
и собирает всё бельё
с балконов первая усталость.

* * *

Пора, мне пора домой,
из душных весёлых комнат –
в вечерний сиротский город
почувствовать скорость, холод
бегущей воды со склона,
мечтать – и брести одной
в читальные залы клиник,
к причалам, бетонно-синим,
в церковные лавки, в ливни
Маковского, к первоглине...
Но если бы дом нас принял,
он стал бы немой тюрьмой.

* * *

Вечер весенний бродил как потерянный.
Проголодался, промок.
Каждому столько счастья отмерено,
чтобы он вынести мог.
Ни вышиванки, ни светлого терема,
ни янтаря, ни сапог.
Каждому столько счастья отмерено,
чтобы он вынести мог.
Камнем ли стать, обратиться ли деревом,
или родиться разок –
каждому столько счастья отмерено,
чтобы он вынести мог.

* * *

Сама исполняешь свой список простых поручений:
сжечь старые письма,

взойти под их пеплом озимой.

Бельё на морозе ломается, словно печенье.

И веет озоном – и чем-то невыразимым.

Во всём, чем мы стали, порядок найдётся едва ли:
мы неотличимы от птицы, сидящей на ветке.

Покоится сдобное тесто под бережной марлей,
под снегом и глиной покоятся скифские предки.

– Мы дома! Мы дома!

В чернильной родной пустоте...

Не спрашивай, кутаясь в дым от свечного огарка,
найду ли родство между голубем этим – и тем
седым собирателем крошек на площади Марко.

* * *

Снизу земля носовым платком
делится на дворы.
Толпы проносятся сквозняком
соединять миры.
Снизу текут ручейки машин.
Здания из стекла.
Так не сияет светляк в глуши,
как светлячки реклам.
Бисером в спичечном коробке
станешь, едва сойдя
вниз, где строения на песке
костью твоей хрустят.
Так оставайся, лети поверх,
вровень с травой, где пчёл
вдруг воспалённый сгибает нерв
сахарным калачом.
Вот где работы – невпроворот!
<Гермес, храни купца!>
Солнце усталое до ворот
как добредёт – с конца –
некого в этом порою винить:
время ведёт отсчёт.
Здесь, когда на исходе дни,
просят порою ещё.

* * *

Это такая страна, где луна,
падая, достигает дна
и, остывая, становится камнем.
Сам не знаю, сколько их здесь:
маленьких лун не перечесть.
Полные пригоршни их наберу,
вспомню прошлого века игру:
камешек есть,
камешек здесь,
кинь его в ямку, спой ему песнь.
А не докинешь – сбудется сон,
камешек станет твой невесом
и воспарит над травой с перегноем,
вспыхнет лукаво – и станет луною.

* * *

– Где ты была, родимая?
– В тёмном бору ходила я.
– Где пропадала, ясная?
– Ягоды ела красные.
– Где же ты, окаянная?
– В логове зверя странного.
Здесь андрогины дикие
празднуют дионисии:
я вышивала бисером
топоты их и крики.

* * *

Женщина рождает ребёнкомать.
Устало улыбнувшись, ныряет в землю.
Новое существо учится понимать
обе части себя: отныне уже не делит
красоту и болезнь, проросшие в нём в одно.
– Есть что есть – не лезь. Добрая грудь не здесь.
Так однажды ребёнкомать постигает дно,
где ребёнок вспыхнет отдельным сном
в новом, трепетном и изумлённом теле.

* * *

Красные звери в земной глубине
немо хранят о нас тайное знание:
не оттого ли сегодня сильней
давит асфальт на безумные здания?
Не оттого ли бегу – и острее
жалит мне стопы навыв неведомый:
тонкой травинкой взойду во дворе –
страшными станут привычные вещи.
Шляпа соседа, ужимки кота,
ложка, парящая в равновесии,
каша в тарелке, в стакане вода,
киви, забытый в шубейке из плесени.
Жизни сознательной, длинной, как дева,
я предпочла бы поход за грибами,
лёгкость пяти мотыльков-однодневок,
целые крылья – рваную память.
Стану кусками раздробленной льдины,
всеми на свете стану разинями –
кто мои тайны сведёт воедино,
кто меня сможет окликнуть по имени?

* * *

Шагнёшь за тот край, где цветущая кожа
граничит не с воздухом, а с круговертью
подвижной, как сны, обтекаемой смерти –
и ты воскрешён, но немного подкошен,
сушёным букетом повиснешь над дверью
закрытого терема, тёмных гостиных,
где люди в сутанах, как исповедь, длинных
<под платьем – привязанный к росчерку зверь>.
Но что за мистерий, каких песнопений
здесь ждут от того, что осталось, от тени,
которой хватает всеобщей основы:
буколиков, альп, и пчелы, и коровы,
лесов и поместий, наделов-имений,
и чья же агафья была на сносях?
Едва выносима раздробленность лета,
и прошлого нет, а одна только лента
осталась от той, чей сновидец суровый
проснулся, оделся и молча иссяк.

ДЕВИЧЬЯ КОМНАТА

...И когда воскрес Христос и прошла неделя,
я пришла туда с гостинцами в понедельник,
отворила дверцу кованую, не веря –
и застыла:

всё на месте, словно не было изменений,
и сливались девичьи комнаты поколений
женщин в моём роду.

И на белых стенах, будто на фотоплёнке,
проявились все рисунки, иконки, полки,
и в шкафах висели платья в одном ряду.

Я читала письма,

рылась в их пыльных книгах,
прикасалась к их сокровищам (рдела жизнь!)
Не танцуйте буйным пьяницей, солнцеблики
на боках старинных ваз! Шелохнись, дыши,
ты, лежащая на подушках!

Но тихий стон:

«Не посмеешь сдвинуть вечный порядок лет!»
Завтра свадьба моей прабабушки...

Что за сон

у открытых окон спальни, которой нет!

Как пусты глазницы

поросших былъём поместий,

от которых степь оставила только камни...
Истлевают рамы, гложет слепая плесень
основанье стен, и, отданные векам, не-
устанным тлением здесь расчищают место
энтропия, ветер,
ветер, трава, вода.
И уходят батальонами вдаль невесты.
Покидают свои комнаты навсегда.

* * *

Стану однажды длинной под покровом
ночи, как мечи или как ножи.
Время создано, чтобы увидеть новыми
вещи в их отчаянной жажде жить,
занимать живот ребёнком, крестами пяльцы,
не оглядываться. Соляным столпом
застывает день вчерашний, горит Дебальцево,
ждёт апостол Павел нас у сельпо.
Пять страниц дневника ещё не исписаны.
Мне осталось жить... начиная с лета.
Волосы черны мои – и прилизаны
языком скучавшего судьбоведа.

* * *

Где полосатое добро?
Там, где гремучее перо
кусает Ницше,
и он ныряет между рек,
в асфальт, закатанный в разбег,
ныряет Ницше,
выныривая в гирле строк:
«Вечнослагаемый псалом
свернулся в горле вод узлом
в пещерной клейковины кашель,
закат пшена.
В вечноползущий длинный суд
нас на шипящих повезут,
и небелковый спросит Бог:
– Ты кто?
– Я эластин и смог.
– Кто ты?
– Белок.
– Белок?
– Бе-лок!
Коагуляция дорог
завершена».

* * *

Мы сколько раз рождаемся на свете,
помимо кожи, всё сменив убранство?
Идёшь в обход – гудит, растёт пространство
и мухами качается на ленте.
Пучок на голове, рассказ в кармане.
Искусство – это вставить междометие.
Идёшь кругом. Растут воспоминания
и буквами кончаются
на лете.

Наталья Александровна Хмельова – украинская русскоязычная поэтесса. Родилась в 1989 году в городе Измаил Одесской области.

В 2010 году окончила Измаильский государственный гуманитарный университет по специальности «Немецкий и английский языки и зарубежная литература».

В 2018 году окончила университет им. Генриха Гейне по специальности «Философия и информационные технологии». С 2011 по 2012 жила и работала в городе Эссен, с 2012 г. живёт и работает в Дюссельдорфе.

СОДЕРЖАНИЕ

Гроза	7
Постой со мною	8
«Ни на дне ручейка...»	13
«Когда с небосклона безудержно льёт...»	14
«Хранится вечно не пыльца...»	15
«Возьмёшь из корзины декабрьскую грушу...»	16
«Перетекающий по звуку...»	17
«Мне снилась темнота...»	18
«Есть ребёнок, хранящий портреты...»	19
«В каком-нибудь листке окно проделав...»	20
«Не Земля на трёх китах, а одна вода...»	21
«Хочешь знать меня – вспоминая леса...»	22
«Кругом вода, одна вода...»	23
«В каком-то месте (мы о нём не знали)...»	24
«За три часа всё было сожжено...»	25
«Как сжимается время...»	26
«Берлинского неба открылась шкатулка...»	27
«Не напасть – оторваться от пасти земной...»	28
«Исповедимо ли...»	29
«Проходит веселье. Проходит беда...»	30
«Ещё вчера ютилась в коже...»	31
«Расскажи мне, куда нас кривая везёт...»	32
«Приснится шёпот, в тело не облаченный...»	33
«Дышал собою прошлогодний стог...»	34
«Бежать из зданий, полных геометрии...»	35
«Там, где стрела...»	36
«Тяжёлую вину земная мать...»	37
«Вот каштаны в моей ладошке...»	38
«...А когда оскудеет слово, как всё скудеет...»	40
«Как незаконно, женщины, мы нищаем...»	41
На ярмарке	42
«Где же ты так задержалась, сестра?..»	44
«Приходят с верой – посмотри...»	45
«То ли насекомое, то лимышь...»	46
«Выбросил трамвай его, дребезжа...»	47
«Я прадед твой. Узнаёшь черты?..»	48

«В этом городе воздух горяч, как сухарь, и стар...»	49
«„Милена плюс Коля“. Сердечко. „Навек“...»	50
«Пиццерия „Челентано“: пиво, чай, вода...»	51
«Не мы молчим, не мы молчим, но нами...»	52
«Шарик Эшера...»	53
«Сколько книг в золотой пыли!..»	54
«Сойти с того ума, где простояли...»	55
«Ставни отворю – и втекут: анис...»	56
«Я уснула там, в нулевом году...»	57
«Было задано на дом...»	58
Посланники Брига	59
«Кто сказал, что идол не может пасть...»	60
«Она, как дым, стояла в колыбели...»	61
«Уснёшь, проснёшься в новом теле...»	62
«Идём со мной – увидишь мир предметов...»	63
«Я – слух, я взгляд, комиссия, ревизор...»	64
«Цветные вагончики мчатся по кругу...»	65
«На острове каждый привык потрошить себе рыбу...» ..	66
Диалог	67
«Ни хруст запретных яблок в случайном тереме...»	68
«На новом ложе мне снились дивные сны...»	69
«Спит город, древний исполин...»	70
«Пора, мне пора домой...»	71
«Вечер весенний бродил как потерянный...»	72
«Сама исполняешь свой список...»	73
«Снизу Земля носовым платком...»	74
«Это такая страна, где луна...»	75
«Где ты была, родимая?»	76
«Женщина рождает ребёнкомать...»	77
«Красные звери в земной глубине...»	78
«Шагнёшь за тот край, где цветущая кожа...»	79
Девичья комната	80
«Стану однажды длинной под покровом...»	82
«Где полосатое добро...»	83
«Мы сколько раз рождаемся на свете?..»	84

Наталія Хмельова

Ген цікавості

Російською мовою

Вірші

Макет та комп'ютерна верстка: С. Главацький

Підписано до друку 10.10.2019
Формат 70 x 100^{1/32}. Папір офсетний.
Гарнітура «Georgia».
Обл.-вид.арк. 3,78. Ум.-друк. арк. 3,58.
Наклад 300 прим. Зам. №

Видавничий дім Дмитра Бураго

ФОП «Бураго Дмитро Сергійович»
Свідоцтво про внесення до державного реєстру
ДК № 4558 від 05.06.2013 р.
04080, Україна, м. Київ-80, а / с 41
Тел. / факс: (044) 227-38-28, 227-38-48;
e-mail: info@burago.com.ua
www.burago.com.ua